

К истокам имперской государственности

В день Святого благоверного князя Александра Невского, 12 сентября, в Санкт-Петербурге в третий раз была вручена Всероссийская литературная премия «Александр Невский». Лауреатов премии и номинантов чествовали в Белом зале Шереметевского дворца. В этом году особенностью конкурса стало присуждение сразу двух первых премий. Кроме того, была вручена специальная премия, которой генеральный директор ОАО «Талион» Александр Ебралидзе особо отметил заслуги в организации конкурса председателя Союза писателей России Валерия Ганичева.

именами, и смыслом, который заключен в этих книгах. Приятно, что за три года значительно расширились география участников и жанровое разнообразие произведений, представленных на конкурс. Вручение премии стало традицией, а сама она раздвинула наши мировоззренческие и философские представления о российской истории. Единственное, о чем можно пожалеть, так это о том, что очень много хороших книг осталось за бортом премии».

В этом году на конкурс было представлено 145 книг. Среди авторов — известные писатели, профессиональные историки, дипломаты, лица духовного звания и даже член семьи потомка дома Романовых. Их произведения посвящены различным периодам российской истории. Героями книг стали как знаменитые, так и подчас неоднозначные или не слишком известные исторические фигуры.

«Существование и благополучие государства — это огромный фронт взаимоотношений между аппаратом госчиновников и обществом: от идеологии до материально-технического обеспечения армии, от благополучия далекого камчатского поселка до морально-этических взаимоотношений в комфортабельном офисе Москвы или Петербурга. Мы на этом фронте занимаем свое маленькое место и на этом месте ответственно и положительно делаем свою работу во имя благополучия и процветания страны».

Из выступления председателя Комиссии по присуждению Всероссийской литературной премии «Александр Невский» Александра Ебралидзе на пресс-конференции, посвященной итогам литературного конкурса, состоявшейся 12 сентября 2007 года

В список номинантов премии «Александр Невский» вошли следующие издания: «Последний царь» Александра Боханова, «Потемкин» Ольги Елисеевой, «Князь-раб» Александра Родионова, «Росси верные сыны» Любови Русевой, «Сим победиши!» Константина Скворцова, «Александр Сергеевич Пушкин» Михаила Филина.

Общий уровень работ оказался столь высок, что комиссия решила присудить сразу две первые премии. Ими удостоены посол России в Израиле, профессиональный историк Петр Стегний за книгу «Время смель» об императрице Екатерине II и доктор исторических наук Анатолий Смирнов, написавший монографию о родоначальнике русской исторической науки Николае Карамзине.

«Эпохой Екатерины Великой я занимаюсь последние двадцать лет, — рассказал корреспонденту журнала „Талион“

На пресс-конференцию с руководителями конкурсной комиссии, прошедшую в Неоготическом зале Шереметевского дворца, пришли представители крупнейших газет, журналов, теле- и радиоканалов.

На их вопросы ответили исполнительный директор премии «Александр Невский» Марина Гусева, председатель конкурсной комиссии Александр Ебралидзе и сопредседатель комиссии Валерий Ганичев.

Петр Стегний. — Это уже седьмая моя книга, посвященная этому времени. Почему именно Екатерина, ответить одновременно и просто, и сложно. Когда к канцлеру Александру Михайловичу Горчакову приходили иностранные послы и спрашивали, в чем состоит внешняя политика России, он широким жестом показывал на два огромных портрета — Петра Великого и Екатерины II, которые всегда висели у него в кабинете, и отвечал: „Вот вся наша внешняя политика“.

Екатериной II историки будут заниматься всегда, пока Россия существует на географической карте. Ее эпоха — это настоящая энциклопедия нашей государственности. Это своеобразный камертон, по которому мы настраиваем свою сегодняшнюю жизнь.

Екатерина Великая сформировала уже не существующую сегодня Российскую империю. И чтобы понять, как нам жить в новых геополитических границах и императивах, как корректировать вектор развития страны, надо обратиться к изучению прошлого, к истокам имперской государственности. Петр Великий и Екатерина II — это пассионарный пик развития России. И, думая о новой государственности в наше переломное время, мы неизбежно вновь и вновь будем обращаться к той эпохе».

«Изучая прошлое, мы всматриваемся в наши сегодняшние черты. Каждое поколение прочитывает историю с точки зрения своего духовного опыта, и процесс этот неисчерпаем, как вся наша жизнь», — сказал в своей речи лауреат первой премии Петр Стегний.

На страницах книги доктора исторических наук Анатолия Смирнова оживает личность Николая Михайловича Карамзина. Автору удалось сделать ставшую давно хрестоматийной фигуру первого российского историка более близкой и понятной читателю, вызывающей благодарность за те труды, что предпринимал он для родной страны.

Лауреату первой премии Анатолию Смирнову (на фото справа) почетный диплом и золотую статуэтку Александра Невского вручил вице-губернатор Санкт-Петербурга Сергей Тарасов.

«Пушкин как-то заметил, что Николай Михайлович Карамзин был гением, который объяснил нам былое и днесь России и раскрыл душу русского человека всему миру, — сказал Анатолий Смирнов на торжественном вручении премии. — Карамзин утверждал, что не меч норманнов, но слово Божие объединило русские земли в единую державу, а разрозненные славян-

ские племена — в могучую русскую нацию. Он подчеркивал, что слово Божие обеспечило духовное единство русичей, и благодаря этому единству Русь с честью выходила из всех испытаний. И действительно лишь удивительная стойкость русского духа позволила преодолеть нам смуту, грозу двенадцатого года и гитлеровский фашизм».

IO Из книги Петра Стегния «Время сметь»

Внимательно наблюдая за событиями во Франции накануне революции, Екатерина невольно сравнивала действия короля со своими собственными. Непоследовательность французской политики приводила ее в сильнейшее разочарование. Власть остается властью, пока сохраняет способность подчинять обстоятельства своей воле. Вряд ли кто-то понимал это лучше, чем сама Екатерина, когда 30 июля 1767 года в аудиенц-зале Московского Кремля она принимала депутатов Комиссии по составлению нового Уложения. Она пристально вглядывалась в лица представляемых ей генерал-прокурором Вяземским дворян, купцов, крестьян-однодворцев, инородцев, ставших первыми в России депутатами. В Грановитой палате были рядами поставлены длинные скамьи, как в английском парламенте. Пятьсот шестьдесят четыре депутата, представлявшие все провинции и сословия России, занимали места не по старобоярскому принципу местничества, а в зависимости от времени приезда в Москву. От крепостных крестьян и духовенства был лишь один представитель Синода.

Чтение Наказа депутаты слушали с увлажненными глазами, некоторые рыдали. В порыве чувств решили было воздвигнуть памятник Екатерине и добавить к ее титулу слова «Великая, Премудрая Матерь Отечества». Депутатам, поднесшим императрице новый титул, было сказано: — О званиях, кои вы желаете, чтобы я от вас приняла, отвечаю: 1) на Великая — о моих делах оставляю времени и потомкам беспристрастно судить; 2) Премудрая — никак себя таковою назвать не могу, ибо один Бог премудр, и 3) Матери Отечества — любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю; быть любимой от них есть мое желание. Ответ этот был дословно занесен в дневную книгу заседания комиссии, которую вел отставной гвардии поручик Николай Иванович Новиков. На следующий день запись эту читали публично. «Иные ее переписывали, а иные переводили на разные языки», — было отмечено в очередной записке. В целом, однако, первый опыт русского парламентаризма был не лучше и не хуже, чем последующие. Пока речь шла о вещах отвлеченных,

II

в зале царил редкое единодушие. «Мы — люди и подвластные нам крестьяне суть подобные нам. Разность в случае возвела нас в степень властителей над ними; одна-ко мы не должны забывать, что и они — суть равные нам создания». Эти речи князя Михаила Щербатова, предводителя родового дворянства, встречались неизменным одобрением, хотя многие из депутатов еще помнили времена, когда услышавшему такие слова впору было кричать «Слово и дело!». Теперь же недовольные, а их в Грановитой палате было немало, предпочитали помалкивать. Щербатов говорил в соответствии с духом Наказа и, тем самым, как бы заодно с императрицей. Просматривая ежедневно протоколы заседаний, Екатерина и сама удивлялась тому, как быстро ее Наказ стал мериллом истины и справедливости. Представитель козловского дворянства поручик артиллерии Коробын представил записку о мерах пресечения жестокого обращения помещиков с крестьянами. «Есть помещики, кои, промотав свои пожитки и набрав много долга, продают за него своих людей, отлучая их от земледелия, — гово-

рилось в ней между прочим. — Есть и такие, что, проматывая получаемые от крестьян доходы, прихотям своим предела не ставят, разлучают своим предельно из своего единственно из своей корысти, но, что всего хуже, это то, что являются между ними и такие, кои, увидев своего крестьянина стяжавшим трудами рук своих малый достаток, лишают вдруг его всех плодов стараний». Подавляющая часть депутатов твердо стояла на том, чтобы подтвердить «в ныне сочиняемом проекте нового Уложения» исконную «власть помещиков над их людьми и крестьянами». Екатерина особо не удивлялась. Гораздо более беспокоило ее то, что основное дело, ради которого была собрана Комиссия, — сочинение законов — продвигалось из рук вон плохо. Пыталась, и не раз, ввести регламент ведения заседаний, надеялась обратить энергию депутатов в русло государственных интересов, но все усилия оказались напрасны. Свежие идеи тонули в сословных дрязгах и пререканиях. Дворянство ополчалось на купцов, требуя расширения собственных прав в области торговли и промышленности, купечество отбивалось,

как могло, пользуясь тем, что среди самих дворян грызни и склок хватало. Родовитые депутаты, кичась древними привилегиями, вели себя высокомерно. Представители служилого дворянства напирала на права, предоставленные им Петром Великим. Их поддерживали представители военного сословия. Лишь крестьяне, наученные вековым опытом, что синица в руках лучше журавля в небе, ходатайствовали больше о вещах сугубо практических. Их мнения походили на челобитные. Просили, к примеру, снизить плату за пользование общественными банями в деревнях. Надо ли говорить, что за полтора года работы Комиссия так и не приняла ни одного закона. Начавшаяся осенью 1768 года война с турками стала удобным поводом для роспуска депутатов. И тем не менее Екатерина не только никогда не сожалела о созыве Комиссии, но и гордилась недолговременной работой первого русского парламента. На это у нее были свои причины. — Комиссия Уложения... подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имею и о ком пещись должно, — говорила она. ■

Петербургский историк Евгений Анисимов, удостоенный второй премии за книгу «Анна Иоанновна», посвятил свою речь в Белом зале Шереметевского дворца российским женщинам. «Восемнадцатый век — это расцвет Российской империи, — заметил он. — семьдесят пять лет страной правили женщины, и еще двадцать пять лет — Петр Великий. При этих правителях территория России увеличилась со скоростью четыреста квадратных километров в день. И сегодня бескрайние пространства — главное наше богатство. Россия будет процветать, когда у власти будут стоять женщины. Это ниспослано свыше. Если вы придете в святыню православия — Софийский собор в Киеве, то увидите великолепную мозаику византийских мастеров... Богоматерь закрывает Россию от всех бед».

Третья премия была вручена Александру Королькову за монографию, посвященную русскому философу Константину Леонтьеву.

«Леонтьев — необычный мыслитель, — отметил в беседе с нашим корреспондентом автор. — Невозможно представить, чтобы кто-то еще в середине XIX века мог написать книгу „Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения“. Леонтьев очень страшился обезличенности, того, что погибнут националь-

ные культуры. И это предостережение нам следует помнить».

Лауреатом специальной премии «Соотечественники» стала Ольга Куликовская-Романова, автор книги «Царского рода», повествующей о семье великой княгини Ольги Александровны Романовой, сестры последнего российского императора.

Протоиерей Василий Марущак за труд «Святитель-хирург: житие архиепи-

Вторую премию автору книги «Анна Иоанновна» Евгению Анисимову (на фото справа) вручил Почетный гражданин Петербурга академик РАН Игорь Спасский.

Александр Корольков, автор книги о русском философе Константине Леонтьеве, получил бронзовую статуэтку Александра Невского.

скопа Луки (Войно-Ясенецкого)» был отмечен в номинации «Духовные подвижники».

Новшеством этого года стала специальная премия «Собратья», адресованная журналистам и деятелям культуры, способствующим приобщению читателя и зрителя к национальной истории. Она присуждена автору и ведущему программы на ТВ Алексею Денисову, а также руководителю проекта «Времена», учителю ис-

тории гимназии № 248 Санкт-Петербурга Светлане Кудрявцевой-Карускайте.

Специальной премией для издателей исторической литературы было отмечено орловское издательство «Вешние воды».

Три года назад при учреждении Всероссийской литературной премии «Александр Невский» генеральный директор ОАО «Талион» Александр Ебралидзе говорил: «Необходимо, чтобы наши писатели вытащили из небытия огромное количество героических личностей, несправедливо задвинутых на задний план истории. Мы хотим затронуть мысли и чувства — глубокие корни патриотизма, гордость за величие своего исторического прошлого, чтобы мысль заставила каждого действовать на своем месте, делать что-то конкретное, практическое для величия своей страны».

Сегодня с уверенностью можно сказать, что литературная премия «Александра Невского» с этой задачей справилась. С ее помощью к нам приходят образы и деяния наших великих предков, наших царей, воителей, вселенских учителей. Приходят, чтобы вернуть первородный смысл понятиям, дорогим для каждого россиянина: Честь, Совесть, Труд, Озарение, Подвиг. Словом спасется Отечество, поскольку язык и народ — понятия неразделимые. ■

С верой в конечное торжество просвещения, разума подходил Карамзин к оценке центрального события современности — Французской революции, считая последнюю закономерным звеном в цепи исторического развития всей Европы: «Французская нация прошла все стадии цивилизации, чтобы достигнуть нынешнего состояния... Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел». События во Франции, их влияние на ход европейской истории и позже неизменно находились в центре внимания Карамзина как издателя и журналиста. <...> Противоречивые тенденции в политической жизни (ведь царство разума, о котором мечтали просветители, оказалось идеализированным царством буржуазии) поставили перед Карамзиным трудные проблемы. Как применить к условиям России идеологию Просвещения, ее венец — республику, с одной стороны, и дать отпор захватнической политике Наполеона (тоже выросшей из республики) — с другой? Решение этих вопросов Карамзин думал найти, обратившись к истории, чтобы в свете ис-

торического прошлого русского народа рассмотреть и оценить завоевания XVIII века, опыт своего времени, решить назревшие вопросы жизни. Русское Просвещение — это поиск наиболее подходящих для развития народа политических и социально-экономических условий. Он был поставлен всем ходом русской жизни, развитием национальной культуры, необходимостью учета опыта других наций, и прежде всего опыта Франции и вызванных ею движений. Вопрос о судьбе самодержавия и крепостного состояния встал в центре внимания русского общества. «Царское самовластие», «дикое барство» в свете идей Просвещения воспринималось как явление безнравственное. На смену системе ценностей, взращенных феодализмом, а ее вершиной была верность государю («за государем не пропадет»), шла новая идеология с присущим ей чувством гражданственности, патриотизма, служения Отечеству, личного достоинства. Формирование и развитие русской нации, ее духовной культуры, ее самосознания ставило перед общественной мыслью, перед литературой такие проблемы, как национальная культура, национальное

самосознание, патриотизм, человеческая личность в национальном коллективе и в мире, нация и народ в человечестве, место и роль России в Европе, в современном мире и в истории. Именно эти проблемы заняли основное место и в «Истории государства Российского». К замыслу создания крупного исторического полотна Карамзин подходил давно. Как свидетельствует И. И. Дмитриев, его друг «давно занимался прохождением всемирной истории, с прилежанием читал всех классических авторов, древних и новых, наконец, прилепился к отечественным летописям, в то же время приступил и к легким опытам в историческом роде». В «Письмах русского путешественника» это уже заметно. Здесь Карамзин отмечает: «Больно... что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикой, с благородным красноречием... Нужен только вкус, ум, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрыть, и читатель увидит, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только рус-

ских, но и чужестранцев. Родословная князей, их ссоры, междоусобие, набег половцев не очень любопытны, — соглашусь; но зачем наполнять ими целые тома? <...> Но все черты, которые означают свойство народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные, описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий: Владимир — свой Лудовик XI: царь Иоанн — свой Кромвель: Годунов — и еще такой государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории и даже в истории человечества; его-то надобно представить в живописи, а прочее можно обрисовать, но так, как делал свои рисунки Рафаэль или Микеланджело. Это — набросок замысла огромного труда и вместе с тем изложение собственного творческого метода, стремление слить в единое целое историческую науку с художественной образностью в изложении результатов исследования. Наш путешественник на чужбине обдумывает план «Истории государ-

ства Российского» и буквально резит летописцами, до того увлекся замыслом великого труда. Обращение к истории Отечества, укрепление в замысле крупного труда, ей посвященного, весьма знаменательны и свидетельствуют о переломе в воззрениях «чувствительного путешественника». Он отправился в Париж, чтобы увидеть завтрашний день Отечества в европейском днесь. Однако все увиденное и передуманное убедило его в том, что на иностранной мудрости нельзя перекраивать Родину, что залог ее будущего в ней самой, в образе жизни, верованиях, обычаях, традициях, нравах и законах, выработанных самим народом. Изучение всего этого богатства является важнейшей задачей общенациональной, государственной значимости. Написание «Истории» Отечества рассматривается Карамзиным как гражданский долг, как патриотическое служение. Путешествие еще более утвердило Карамзина в мысли о первенствующей роли просвещения нации как основы ее благосостояния, гарантии ее развития. С этим уезжал он из Лондона 4 июля 1790 года. ■

Архиепископ Тихвинский Константин уверен, что книги, представленные на конкурс, способны украсить любую библиотеку. «Очень хорошо, что в обществе просыпается национальное достоинство и издается все больше книг о забытых, а подчас и оболганных деятелях русской истории и культуры», — сказал он, резюмируя итоги конкурса.

Выставка изданий, представленных в этом году на конкурс, привлекла внимание всех гостей Шереметевского дворца. На фото слева — Почетный гражданин Санкт-Петербурга академик РАН Игорь Спасский.

Член-корреспондент РАН доктор филологических наук Николай Скатов отметил профессионализм организаторов конкурса и высокий уровень представленных работ.

Лауреат первой премии московский историк Анатолий Смирнов, председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, член-корреспондент РАН Николай Скатов и второй лауреат первой премии посол России в Израиле Петр Стегний весь вечер были в центре внимания присутствовавших в Белом зале Шереметевского дворца.

Ниже. Специальную премию за заслуги в организации конкурса Александр Ебралидзе вручил председателю Союза писателей России Валерию Ганичеву (справа).

Слева. Лауреат специальной премии «Духовные подвижники» автор труда «Святитель-хирург: житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)» протоиерей Василий Марущак считает, что в поисках национальной идеи нам следует обратиться к житиям русских святых, в частности к житию Святого благоверного Александра Невского.

Справа. Гости торжественной церемонии встречали чарующие звуки оркестра «Русская Роговая Капелла».

15

Выше. После торжественной церемонии награждения лауреатов литературной премии «Александр Невский» для гостей, собравшихся в Белом зале Шереметевского дворца, пел один из лучших теноров XX века Зураб Соткилава (слева).

Вверху. Александр Ебралидзе, Валерий Ганичев и Сергей Тарасов приветствуют Ольгу Куликовскую-Романову, вдову сына великой княгини Ольги, сестры Николая II. Куликовская-Романова стала лауреатом специальной премии «Соотечественники» как автор, постоянно проживающий за рубежом.

Слева. Руководитель «ИТАР-ТАСС Северо-Запад» Борис Петров поздравляет номинанта премии, автора книги «Потемкин» кандидата исторических наук Ольгу Елисееву.

Слева. Номинант премии «Александр Невский», автор книги «Александр Сергеевич Пушкин» Михаил Филин.

Справа. Специальную премию «Собиратели» генеральному директору издательства «Вешние воды» Александру Лысенко (на фото слева) вручил директор Всероссийского музея А. С. Пушкина Сергей Некрасов.

Ныне трудно сказать, каким государственным деятелем в действительности была императрица Анна. Думаю, что таковым она вообще не являлась, и если мы видим в указах Анны или газетах тех времен фразу о том, что императрица «о государственных делах ко удовольствованию всех верных подданных еще непрестанно матернее попечение имеет» или «изволит в государственных делах к безмерной своей славе с неусыпным трудом упражняться», стоит относиться к этому с большим скепсисом. Пространные резолюции Анны по довольно сложным делам написаны канцелярским почерком и такими оборотами, которыми Анна явно не владела. Краткие же собственноручные резолюции типа: «Выдать», «Учинить по сему», «Жалуем по его прошению» и тому подобные об особенном даровании государственного деятеля не свидетельствуют.

Впрочем, Анна и не стремилась прослыть выдающимся государственным деятелем и мыслителем и явно не испытывала потребности начать философскую переписку, например, с Шарлем Монтескье. Она жила в своем, достаточно узком и примитивном мире и была, по-видимому, этим вполне довольна. Ей казались важными не только вопросы государственной безопасности или фиска, но и масса таких дел, которые покажутся нам смешными и недостойными правителя великого государства. Конечно, Анна выдерживала принятый со времен Петра официальный протокол. Она, приняв по сложившейся при Петре традиции чин полковника Преображенского и Семеновского полков, присутствовала на парадах. Правда, в них она, в отличие

Из книги Евгения Анисимова «Анна Иоанновна»

от Петра, не участвовала. Лишь однажды, летом 1730 года, в Измайлове, «как оные полки в парад поставлены. Сама, яко полковник оных полков, в своем месте стать изволила, отчего у всех при том присутствующих, а особливо у офицеров и солдат, неизреченную радость и радостное восклицание возбудила». Принимала императрица послов, «траговала» орденосцев тогдашних трех орденов, устраивала обеды и сменившие петровские ассамблеи куртаги, где со страстью «забавлялась» картами, причем ее карточные долги должны были платить подданные.

Особо нужно сказать об отношении Анны к Церкви. Она была глубоко верующим человеком, хотя и весьма суеверным, унаследовав от Измайловских времен любовь к «святым людям», убогим странникам — традиционным носителям Божественной истины. Вместе с тем в церковной политике Анны сохранялась прежняя, петровская жесткость.

В 1730-х годах продолжилась борьба власти против «тунейдцев» — монахов, число монастырей уменьшалось.

В 1734 году было запрещено вообще кого-либо постригать в монахи, кроме вдовых священников и отставных солдат. Белому духовенству было не велено принимать монахов даже на ночлег. На Церковь смотрели как на государственную контору и, когда в 1736 году выяснилось, что в армии, воевавшей с турками, не хватает полковых священников,

не церемонясь объявили «призыв» и насильно забрали в армию немалое количество служителей Церкви. Вместе с тем из документов эпохи отнюдь не следует, что самый известный тогда церковный деятель Феофан Прокопович пользовался при дворе особым фавором. Со свойственной ему «пронрырливостью» он всячески старался приблизиться к государыне, был безмерно льстив и угодлив, но Анна держала лукавого монаха на расстоянии. ■

16

Из книги Александра Королькова «Пророчества Константина Леонтьева»

... К. Леонтьева заботило будущее демократических обществ, их безоглядное прощание с национальными особенностями в угоду общеуравнительному движению к процветанию.

Буржуазность, утилитаризм отпугивали его всюду, где бы они ни проявлялись, на Востоке или на Западе. Тут мы подходим

к одному из ключевых вопросов леонтьевского мировоззрения. Какой прогресс он презирал, какого прогресса страшился?

Эгалитарный прогресс — словосочетание, сотни раз повторяемое К. Леонтьевым, — это прогресс уравнивательный, смешивающий многоцветие жизни в монотонности, однообразии, усредненности существования, вкусов, потребностей. Здесь прорисовывается прообраз как капиталистического, так и социалистического путей развития культур, породивших, в частности, феномены так называемой массовой культуры, по сути своей — антикультуры, кассетной, стандартизованной культуры.

«В жажде равенства, — писал Н. А. Бердяев. — охватившей мир, он почуял и пытался раскрыть дух антихриста, дух смерти и небытия... Он задолго до Шпенглера понял роковой переход „культуры“ в „цивилизацию“».

Какой бы темы ни касался в своих размышлениях К. Леонтьев — везде непременно находит он способ сказать об отрицательном заряде прогресса. Но не будем, однако, спешить с выводами, слишком самоуверенно мы по первому звуку чужого голоса готовы подчас вовсе его не слышать. Формой нетерпимости стала убеж-

денность многих в правоте принятых когда-то в ходе образования и воспитания постулатов. Многие ли из нас осмысливают заново, во взрослом уже бытии, школьные оценки, мнения? Так и кочуют с нами по жизни наивность Л. Н. Толстого с его рисовыми котлетками, заблуждения Н. В. Гоголя, разоблаченные неистовым Виссарионом Белинским, представления о заботности русского крестьянина и его убогом быте, убеждения в отсутствии демократических традиций в России, об изобретении кооперативного движения во времена нэпа; огромное множество штампов мышления, сквозь которые просматривается еще большее число попадающих в орбиту жизненного опыта фактов, событий, поступков. Более всего раздражало К. Леонтьева однообразие, и он с удовольствием вспоминал слова Дж. Ст. Милля о том, что нынче перед эксцентричностью надо преклоняться, — до того все люди, все умы становятся пошлыми и схожими. К. Леонтьева страшило, что западные общества во второй половине XIX века начинают все более походить друг на друга. Таким образом, он уловил тенденцию, которая катастрофически разрастается в нынешнем столетии. Смешение, космополитизм идей и чувств — постоянный предмет его тревоги, критики, предостережений. ■